

ВИКТОР ФИРСОВ

В ПОИСКАХ параллельных и перпендикулярных **ДАО**

Виктор Фирсов

**В поисках параллельных
и перпендикулярных Дао**

«Автор»

2026

Фирсов В. Н.

В поисках параллельных и перпендикулярных Дао /
В. Н. Фирсов — «Автор», 2026

Если бы в аннотациях указывали теги, то я бы привел такой список: юмор, сатира, пародия, литературная игра, мистификация, фантасмагория. Но раз в аннотациях перечислять теги не принято, я их тоже не укажу. «В поисках параллельных и перпендикулярных Дао» - это собрание шуточных и глубокомысленных, смешных и духоподъемных, анекдотических и пародийных притч, повествующих о традициях, обычаях, верованиях и жизни в целом народа, проживающего в стране под названием Кетай. Притчи рассказывают о мудрых учителях и поэтах, жестоких правителях и красавицах, о даосских мастерах и их нерадивых учениках, о художниках и обманщиках, об искателях истины и простых людях, обремененных повседневными заботами. К Китаю эти притчи не имеют никакого отношения.

© Фирсов В. Н., 2026

© Автор, 2026

Виктор Фирсов

В поисках параллельных и перпендикулярных Дао

Очень-очень-очень давно великий даосский мастер Тофу создал зародыш Поднебесной. И все бы хорошо, но этот зародыш взял да и поделился надвое. Так между небом и землей появились сразу две Поднебесных. Поначалу они располагались друг относительно друга параллельно и являлись точными копиями друг друга.

Но шло время и в Поднебесных начали возникать и накапливаться отличия. В результате параллельное развитие миров постепенно переросло в перпендикулярное. Дело в том, что в одной Поднебесной люди, как могли, следовали Дао, а в другой — Дао не следовали. А в какой именно Поднебесной, в одной или в другой, следовали или не следовали, было неизвестно. Однако ясно, что одна Поднебесная получила впоследствии название Китай, а другая стала именоваться Кетам.

Дабы не запутаться в порожденных Тофу мирах, геометрическую и культурную завадку изучали Лао-цзы, Ле-цзы и Чжуан-цзы. Эти мудрецы пытались понять, в какой из двух Поднебесных они находятся. И где, спрашивается, все эти люди? К сожалению, результат их усилий оказался нулевым. Но не будем о грустном.

О Китае мы знаем если не все, то почти все. А вот о Кетаме практически ничего не известно. И пора восполнить сей пробел. Да что там пробел! Берите выше. В какой из двух Вселенных мы находимся и живем? Вот дилемма, которая уже многие годы не дает мне покоя. Надеюсь, это собрание кетайских притч поможет мне и вам разобраться в этом вопросе.

К вопросу об иконографии кетайских драконов

Что скрывать, но до реформы Гуан-ди в кетайских провинциях чудес случалось гораздо больше, чем после реформы. А драконы встречались повсеместно, хотя и периодически. В подтверждение сказанного можно сослаться на широко известный трактат «О нефритовом подзатыльнике» знаменитого Цзы-цзы или изучить только что перепечатанную в «Мюнхенском научном скоросшивателе» статью Рихарда Вильгельма «Китайские чудеса в свете баварского пивного фольклора».

Все мы слышаны о кетайской притче «Дракон и художник», но мало кто знает, что она не вымысел, а чистая правда. Мало того, данная история определила в прошлом и определяет сейчас самосознание кетайского народа. В этом и состоит ее сокровенный смысл и непреходящее значение. Ну и хватит об этом. Пожалуй, пора переходить к сути вопроса.

Жил некогда в уезде Ха в деревне Хя юный живописец Хи, который, сколько себя помнил, любил рисовать драконов. Однако чудесная натура была неуловима большую часть времени и потому Хи делал это лишь урывками. Касалось это не только Хи, но и всех кетайских богомазов. Как же происходил сей творческий акт? Не будем торопить события...

Читая этот текст, пытливый ум сразу обнаружит в нем упрямое и необъяснимое противоречие. Если с изображением драконов дела в Кетаме обстояли неважнецки, то почему древняя кетайская иконография изобилует изображениями этих тварей? И этот ум будет абсолютно прав и если захочет, легко уличит современных специалистов по Кетаму в злокозненной недоработке. Мы же не будем заниматься такими мелочами и сразу обратимся к вышеуказанным трудам, авторы которых реконструировали старинный кетайский обычай в мельчайших подробностях.

Итак, жизнь юного художника Хи была нелегка, поскольку изобиловала несправедливостями как бытового, так и возвышенного свойства.

«Ей, рожа, ты мне должен», — кричал ему каждый раз при встрече мастер по оглоблям Хо и отвечивал Хи увесистый шелобан.

«Ей ты, лентяй! — ворчал на юношу просветленный подвижник Хы, возвращаясь в родную деревню с гор. — Подь-ка сюды», — и бил нашего героя по заднице своей знаменитой на всю округу суковатой палкой.

А челядь господина Хэ, проводящая время в поисках приключений и удовольствий, завидев живописца, задирали его каждый раз и все по-разному. Не со зла, конечно, задирали, а для порядка. Так и тянулись горемычные дни молодого дарования.

Но однажды и вдруг, на самой макушке синего неба возникало маленькое белое облачко. Постепенно оно увеличивалось в размерах и так же незаметно, в духе «Нефритового подзатыльника», менялось отношение жителей населенного пункта к нашему рисовальщику.

«Уважаемый Хи, не одолжить ли тебе пару монет?» — обращался к нему при встрече мастер по оглоблям Хо.

«Вижу, молодой человек, вы трудолюбивы и талантливы», — говорил ему тет-а-тет просветленный мастер Хы.

А челядь господина Хэ еще издали приветствовала Хи поклонами.

Даже местную красавицу по имени «Сколько яблоко ни надкусывай, все равно целое» с той поры командировали к живописцу для оказания помощи по хозяйству и по другой какой надобности. И означенная дева вдохновляла юношу игрой на цыне и пением песен из книги «Шицзин». Волшебные звуки эти были так приятны, что грели художнику душу и бередили сердце.

Дело в том, что в обычные дни красавица не обращала на Хи, да и на всю деревню, никакого внимания. И когда весь народ горбатился на рисовых полях, она отправлялась в уездный город Ху, и всегда возвращалась оттуда со связкой монет на шее и отрезом тончайшего шелка в руках. Как это у нее получалось, никто объяснить не мог. Но женщину уважали. И вот теперь она, как и многие другие сельчане, оказывала молодому человеку искренние знаки внимания. Хи понимал, что стал объектом всенародной заботы, и поглядывая из окна на растущее облако, сознавал: вот-вот пробьет его звездный час.

В то время как мы неспешно вели наш рассказ, облако подкралось к самой околице и всем стало ясно: быть диву.

«Чудо! Чудо!» — кричали перепуганные крестьяне и поскорей бежали с полей домой, дабы покрепче запереть окна и двери и ждать отмашки старосты.

«Чудо! Чудо!» — голосил мастер по оглоблям Хо, глядя в небо и нервно поглаживая свою любимую оглоблю.

«Чудо! Чудо!» — восклицал просветленный Хы, светлея при этом еще больше и тыкая во все стороны своей знаменитой на всю округу палкой.

«Чудо! Чудо!» — вопил господин Хэ, загоня свою челядь домой, дабы еще раз ее проинструктировать.

А по деревенской улице шествовал дракон. И даже не дракон, а Дракон с большой буквы, таким он был огромным. Зверюга по-моряцки переваливалась с ноги на ногу, осторожно обходила облюбованные свиньями лужи и с любопытством поглядывала по сторонам. По заведенной издревле традиции дракон останавливался у избушки художника и просовывал голову в единственное в деревне открытое окно.

И тут по команде деревенского начальства каждый от мала до велика кидался со всех четырех сторон на животное, дабы оно не улетело. Мастер по оглоблям Хо первым бросался на драконью шею, просветленный Хы тут же хватал дракона за хвост, ну а остальная деревня во

главе с господином Хэ, усаживалась чудищу на спину, прижимая волшебную скотину к земле собственным весом.

В результате заглянувший в окошко дракон временно терял подвижность. И то была для живописца довольно длинная минута славы, в процессе которой он творил собственное чудо так же естественно, как солнце дарует свет, а тучи — влагу. Полчаса работы и портрет готов. На миниатюре — дракон. Как вылитый. И как живой. А вся деревня, задрав головы, уже любит не картиной, а маленьким белым облачком, в кое превратилось улетающее восвояси чудюдо. Облачком, которое вот-вот должно исчезнуть, но все не исчезает, видимо, подчиняясь даосскому закону постепенного перетекания Янов в Ини и обратно.

И так до следующего раза.

Да что тут говорить, но до реформы Гуан-ди часто драконы по деревням шастали, ну, а как все провинции в Кетай объединились, так и дудки. Пропали драконы, а куда пропали, никто об этом не знает.

Разносторонний Шэнь

Сидели как-то в тени платана великий мастер Бян Пяо и его любимый ученик Лу Динь.

«Учитель, — обратился воспитанник к Бяну, — говорят, в нашем уезде появился мудрец и зовут его Шэнь. Вы все на свете знаете. Скажите, что он за человек, этот Шэнь?»

«Даже Желтый предок не знает. Откуда мне знать?»

«Но ведь вы все знаете».

«Откуда мне знать, если и гадатель на панцире черепахи не знает?»

«Но учитель, говорят, что он родился в царстве Пэн, как и вы?»

«Правда? Не врешь?»

«Правда-правда».

«Ну, что сказать о Шэне?.. — начал Бян Пяо после эффектной паузы, во время которой собирался мыслями. — Этот удивительный подвижник обрел целостность чистой пустоты и получил власть над тьмою вещей. Однажды он улетел к бессмертным, оседлав белое облако, но вернулся, чтобы нести людям истину. Клянусь Тянь, у этого Шэня можно многому научиться. Когда Шэнь идет, то идет, а почему идет, неведомо. Когда он сидит, то сидит, а почему сидит, непостижимо. А когда он лежит...»

«Учитель, — снова перебил его Лу Динь. — Вы должны хорошо знать Шэня, ведь вы, говорят, жили с ним в одной деревне и ваши дома стояли по соседству».

«Ах, Шэнь! — переменился в лице Бян Пяо. — Даже разбойник Жи достоин снисхождения, но только не эта сволочь! Сначала Шэнь утащил из нашего храма даосскую реликвию, загнал ее втридорога, после чего бежал. Потом этот гад соблазнил жену важного человека из Цуня и взял у нее на память жемчужное ожерелье. Важный человек из Цуня явился в деревню, не застал Шэня и приказал перепороть все взрослое население, включая женщин. Когда этот пройдоха сидел на берегу реки, ему повстречались путники из того же Цуня, и он продал им чью-то лодку и был таков. А потом Шэнь возглавил заговор против нашего любимого императора... Но это все мелочи. Этот мерзавец занял у меня деньги и не отдал!»

Полное собрание сочинений

Некогда управлял могущественным царством Гуа мудрый повелитель Багуа — личность разносторонняя и непредсказуемая. Например, был Багуа легким в общении, но тяжелым по характеру, щедрым в обещаниях, но скупым на деле. Еще Багуа был тонким внутри и грубым снаружи, поэтому днем орал на своих подчиненных без разбору, а по ночам слагал проникно-

венные стихи, относящиеся в первую очередь к пейзажной лирике. За грубость его уважали, за стихи — любили.

Однажды оказался в его владениях странствующий поэт Цзю Сю, и тут же был схвачен и доставлен во дворец. Узнав о такой неожиданной удаче, Багуа очень обрадовался и приказал отключить во дворце интернет и самолично оборвал провода спутникового телевидения, дабы никто не мешал его счастью. После чего всю ночь слушал стихи Цзю Сю о том, как молчит по ночам луна и звенит тетива спущенного лука. Под утро повелитель так расчувствовался, что заплакал, а поняв, что плачет, приказал бросить Цзю Сю в темницу.

«За что, милосердный владыка? — взмолился поэт. — Разве мои стихи так плохи?»

«За то! — ответил Багуа переменившимся голосом. — Просто я люблю поэзию и коллекционирую поэтов».

Как Ле Тунь летать научился

Много легенд знает Поднебесная, массу сказаний породил Кетай. Тыщи людей отметились своими притчами в монографии под названием «Тьма преданий». Кого ни возьми, у каждого свой шесток, своя правда и своя история. Есть там и притча о человеке заветной мечтой которого было летать научиться. И звали его Ле Тунь.

В детстве Ле падал с лавки, в отрочестве — с дерева, в юности — с крыши. Возмужав и окрепнув, Тунь начал прыгать со скал, обрывов и сигнальных башен. Но толку от его подвигов было мало. Лишь однажды он зацепился ноговицей за выступ даосской пагоды и провисел над землей полчаса, пока его не сняли монахи, надавав ему крепко по заднице за нарушение общественного порядка. Как ни махал руками Ле Тунь, подражая птицам, он неизбежно плюхался на землю, и лишь каждодневные занятия ци-гуном и тайцы-цуанем спасали его от увечий и синяков.

Однажды, замыслив отчаянный прыжок в пропасть, Ле застолбил себе пятачок над пропастью, а когда пришел на место, то увидел, что место занято странствующим монахом. Тот словно ждал встречи с естествоиспытателем и, выслушав от Ле Туня историю извечного противодействия Человека и Природы, изрек:

«Дурачина ты, Ле Тунь, и простофиля, потому что идешь против своего Дао».

«А какое у меня Дао?» — удивился Ле.

«Пойдем со мной и узнаешь».

Первую ночь путники остановились на постоялом дворе, где монаха хорошо знали. И он напоил своего молодого спутника такой крепкой настойкой, какую наливают в уезде Бяо только по очень большому знакомству. Ле Тунь выпил, еще раз выпил, а потом снова выпил. И летал, летал, летал от нахлынувшего на него беспричинного счастья, не слезая, впрочем, с насиженного топчана.

В другой раз, когда парочка остановилась на постой в уездном городе Гу, монах устроил ученику свидание с женщиной, славящейся своим искусством в любви. И Ле, угробивший свою юность на естествоиспытания, пока его сверстники занимались более приятными вещами, летал, летал и летал с ней до самого утра.

День за днем шли путники, пока не достигли монастыря с романтическим названием «Обитель Феншуя», где и поселились на время. Настоятель монастыря, старый Мынь, был строг, но справедлив и, узнав историю Туня, задал ему соответствующий при возникших обстоятельствах вопрос: что такое бескрылый полет?

Неделю думал над ответом Тунь. Пришел к Мыню и молчал. Две недели думал, опять пришел к мастеру и снова молчал. Три долгих месяца соображал Ле над этой задачкой. А ответ все никак не приходил. Голова его распухла от мыслей, которые летали в ней, как перепуганные голуби. А ответа по-прежнему не было.

И вот настал последний день, чтобы предстать перед мастером. Худой, нервный и невыспавшийся Ле Тунь вошел в каморку к Мыню и сразу же услышал: «Что такое полет без крыльев?! Три месяца уже прошло! А ну, говори, скотина ты тупорылая!!!»

Тут у Ле Туня совсем ум за разум зашел. Он оттолкнул Мыня от стола с письменными принадлежностями и тремя ударами кисти изобразил парящего в небе журавля.

Так и нашел Ле свое Дао. Так и стал Тунь отменным живописцем и знаменитым каллиграфом. Так и научился он летать без крыльев, потому что творчество — это всегда полет, и если не умеешь ты летать в душе, ни искусства в тебе не будет, ни творчества. Только ремесло одно. А творить — не похлебку варить.

Если доведется вам побывать в Кетаях, обязательно посетите город Гу и зайдите в тамошний музей изящных искусств. Плата за все про все всего два дуня. Зал Ле Туня вы найдете без труда. Там всегда кто-нибудь ищет свое Дао, и, кстати, совершенно напрасно. Ибо изображенное Дао не есть настоящее Дао, и Ле Тунь хорошо это понимал.

Превратности судьбы

В «Хроники правления династии Хуацяо» включено много чудесных притч, одна удивительней другой, но существует некая странная легенда, которую постоянно обходят вниманием. То ли и без нее историй хватает, то ли с ней ничего нового в изящной словесности не прибавляется. Однако прервем этот заговор молчания.

Мэй была девочкой красивой и музыкальной, поэтому в пятнадцать лет стала наложницей императора. Года через два императору наскучили ее голос и красота, и он подарил Мэй своему министру Фумэю.

Шло время. Фумэй переподарил Мэй советнику Хумэю, Хумэй — чиновнику по особым поручениям Тумэю, Тумэй — просто чиновнику Гумэю, а Гумэй спустя год взял, да и выгнал Мэй со двора. В общем, ни дать ни взять, но такая уж судьба была испокон веков у императорских наложниц династии Хуацяо.

Возвратиться домой с позором? Об этом не могло быть и речи. И тогда несчастная Мэй отправилась в лес, ибо решила: лучше умереть в лапах диких зверей, чем вернуться в родную деревню. Тут-то ее и встретил молодой отшельник Ю, который занимался в этих отдаленных местах духовным самосовершенствованием. Очарованный Ю привел Мэй в свою хижину, приютившуюся у горного кряжа рядом с миленькой речкой. Когда девица согрелась и поела, он начал ее расспрашивать.

Слушая печальный рассказ Мэй и поглядывая на ее ладно скроенную фигуру, Ю думал: «Трындец теперь пришел моей медитации». Рассказывая свою грустную историю, Мэй решала: «Хоть и плохонький, но мужик. В доме всего три женья проса, зато с голоду не помру. Дыра дырой, конечно, но хоть крыша над головой имеется».

После того как Мэй подумала о себе в прозе, она решила подкрепить свои слова поэзией: взяла в руки цынь, с которым не расставалась, села на циновку и запела грустную песню о своей противоречивой и неоднозначной судьбе. Ю, не долго думая, достал бамбуковую флейту и получился дуэт. И только они подошли к третьему куплету, как снаружи послышался угрожающий шум. Дверь хижины распахнулась и в дом вошли вооруженные люди, а за ними, судя по осанке и одежде, — знатный вельможа, который, как оказалось, сбился с дороги.

Мельком оглядев убогое жилище и ее хозяина, вельможа остановил оценивающий взгляд на Мэй...

Так, поток жизни, который тек себе и тек, неожиданно угодил в непредсказуемый водоворот, покрутился там некоторое время и отправился дальше... в ту же сторону.

Счастливая Мэй снова вернулась к привычному образу жизни.

Несчастный Ю твердо решил не покидать лес.

Воздушный змей

Зима в Кетаях не то чтобы долгая, но и не короткая, не то чтобы холодная, но и не теплая, не то чтобы дождливая, но и не сухая. Вот в один такой зимний день сидели в харчевне постоялого двора уездного города Сян трое коммивояжеров. Коротая время, они рассказывали друг другу разные истории, правдивость коих вряд ли можно проверить, и запивали свои байки рисовой водкой. На дворе холодрыга, посему народу в харчевне набилось много и вскоре к ним подсел непонятного чина и ремесла человек. Сидел он тихо и кушал, а закончив с трапезой, собрался уходить.

«Ан нет, дорогой! Постой-погоди! — схватил его за полу халата торговец, что сидел рядом. — Так дело не пойдет. Чжоу Лань рассказал свою историю, Линь Бяо рассказал, я рассказал. Теперь твоя очередь».

Незнакомец почувствовал, как крепко вцепились в него бесцеремонные руки, и понял что не выйдет из харчевни без драки, ежели не расскажет грубиянам свою историю. Он кликнул служку и наказал тому принести водки для себя и своих новых товарищей.

«Ну что ж... — начал он, сделав глоток. — Уговорили».

Пьяные приятели успокоились и превратились в слух.

«Лет двадцать тому назад, — начал странный путник, — случилась в некотором царстве некоторая история. Правитель решил выдать дочь замуж, так как пришла пора ей выходить замуж, и объявил среди женихов соревнование. Правила были такие: кто предоставит на суд почетной комиссии лучшего воздушного змея, тот и получит девуцу.

Царь был, конечно, большой оригинал, но и в мудрости ему не откажешь. Он рассуждал так: тот, кто любит воздушных змеев, устремлен в помыслах к Небесам, но тот, кто умеет их делать, не пропадет и на земле. Смастеривший красивого змея знает толк и в изящном, а тот, кто сможет управлять змеем, справится и с женой, и с хозяйством.

Богатые женихи, прознавшие о новости, валом повалили в деревню, славившуюся своим мастером по изготовлению змеев, потому как, сами понимаете, в ремесленном деле ничего не смыслили. А был сей мастер обыкновенным парнем.

Никто не знал, откуда он и какого рода-племени, ибо подбросили его под дверь деревенской кузни во младенчестве. По этой причине ничего в жизни Подкидышу — а звали его именно так — не светило. Все дни напролет он трудился в мастерской. И не было за тысячу ли вокруг ни единого человека, искуснее его. А еще он ухаживал в саду деревенского старосты за хризантемами, ибо очень уж он эти цветы любил. А ежели выпадало свободное время, бродил по окрестным холмам, встречая рассветы, провожая закаты и слагая об этом стихи.

И вот за неделю в мастерскую поступило столько срочных заказов, что Подкидыш перестал из нее выходить, устраиваясь на ночь на лавке. Мастерил он воздушных змеев, один искусней другого. И такие они были справные, что сами бы улетели в небо, кабы не крепкие нити.

Когда настал день состязания, перед царем, его дочерью и вельможами предстала удивительная картина: высоко в небе парил букет разноцветных хризантем, ибо каждый воздушный змей нес на себе изображение этого цветка. Так судьи поняли, что соревнование выиграл тот, кто в них не участвовал. Правитель приказал найти безвестного умельца и доставить его во дворец.

«Как тебя зовут? — спросил он, выслушав короткую историю жизни юноши.

«Подкидыш», — ответил Подкидыш.

«Что за имя такое? — удивился царь. — Не знаю такого имени. С этого дня ты не Подкидыш, а Найденыш. С этого дня о змеях и хризантемах забудь. Будешь жить у меня во дворце и предсказывать погоду».

«Но владыка, — упал на колени Найденыш, — не умею я погоду предсказывать».

«А тебя никто и не спрашивает, умеешь или не умеешь. Я повелел предсказывать — предсказывай, а нет — отрублю тебе голову, Предскажешь неверно — отрублю тебе голову, предскажешь правильно — все равно отрублю тебе голову. Но потом. Просто я люблю рубить головы. Это моя маленькая слабость».

Что было делать парню? Как не помереть раньше времени? Думал он, думал и придумал соорудить огромный воздушный шар с люлькой для наблюдения за далекими облаками.

Очень эта идея понравилась царю и он выдал Найденышу все необходимые материалы и десяток подручных в помощники.

Работа спорилась, и вот день испытаний настал. Когда удерживающие шар веревки перерезали, горячий дым костра начал поднимать его к небу. Вскоре с земли заметили, что летательный аппарат преобразился: из привязанной к шару люльки выдвинулись два крыла.

«Хороший у меня синоптик, — радовался царь, глядя вверх на Найденыша и его надувную птицу. — Смышленный и смелый. Пожалуй, не буду рубить ему голову в этом году».

Но радовался он не долго. Найденыш скинул на землю мешки с песком, развернул крылья в нужном направлении и на глазах у всего честного народа полетел к ближайшему горизонту.

«Ах ты, мерзавец! — закричал царь, поняв, что его надули словно шар. — Поймать Найденыша немедленно! Хочу отрубить ему голову!»

Но где там. Воздушный шар уже давно превратился в точку, а потом и вовсе скрылся из виду. С тех пор никто Подкидыша не видел. Вот и вся история», — закончил рассказ незнакомец и встал.

«Как это все? Что-то ты нам не договариваешь, — рассердился Линь Бяо, — уставившись на путника нетрезвым взглядом. — Говори, что было с тем парнем дальше?»

«Ты что уже пошел? — обратился к незнакомцу и Чжоу Лань, хитро прищурившись. — А куда ты пойдешь?»

Но путник подхватил суму и направился к выходу.

«Ушел. Имени своего не назвал, водку не допил, еще и дверь не отворил, а уже вышел».

«Что-то, я смотрю, модно стало на сумках хризантемы вышивать. А у этого их, как у бабы какой, целый пучок», — поморщился Чжоу Лань.

«Да, — согласился Линь Бяо, — каких только типов ни встретишь в дороге».

Дао Дадзыбао

Жизнь у Дадзыбао была нелегкой. Целыми днями он горбатился на рисовых полях в прекрасной долине с хорошим климатом. И по этой причине каждый новый день давал ему, обессилевшему от вчерашних трудов, новые силы. Силы, чтобы постигать разнообразие мира, в равной мере состоящего из Иней и Яней своих и чужих поступков. Они красноречиво подчеркивали, что каждое достоинство имеет свои недостатки, а любое хорошее содержит в себе плохое. И наоборот.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.